

ДЖОН

СТЕЙНБЕК

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

РАЙСКИЕ ПАСТБИЩА

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

ЭКСКЛЮЗИВНАЯ КЛАССИКА (АСТ)

Джон Эрнст Стейнбек

Райские пастбища

«Издательство АСТ»

1932

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Стейнбек Д.

Райские пастбища / Д. Стейнбек — «Издательство АСТ»,
1932 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-151887-5

Добродушный юмор и язвительная сатира. Драма и мелодрама. Готика, пародия на готику и даже грустная сказка для взрослых, – кажется, жанровому многообразию историй, собранных под обложкой «Райских пастбищ», просто нет конца. Эту книгу Стейнбека, впервые опубликованную в 1932 году, можно, в сущности, считать романом только очень и очень условно, – в действительности, перед нами концептуальный сборник рассказов, объединенных местом действия, – тихой фермерской долиной в калифорнийской провинции, – и судьбой переехавшего туда «чужака» Берта Монро, не побоявшегося купить землю, которую все обитатели долины считают «проклятой». Идут годы. Жизнь в долине идет своим чередом. А местные жители все ждут и ждут, с затаенным жгучим интересом, – сбудется ли проклятие?.. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-151887-5

© Стейнбек Д., 1932
© Издательство АСТ, 1932

Содержание

I	6
II	8
III	15
IV	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Джон Эрнст Стейнбек

Райские пастбища

John Steinbeck

THE PASTURES OF HEAVEN

© John Steinbeck, 1932

© Copyright renewed John Steinbeck, 1960

© Перевод. Е. Короткова, наследники, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

I

Кажется, в 1776 году, когда в Альта Калифорния возникла миссия Кармело, человек двадцать новообращенных индейцев однажды ночью внезапно предали веру и наутро покинули свои хижины. Событие это, не столь уж значительное, могло, однако, послужить дурным примером и к тому же задерживало работы по производству необожженного кирпича в местных глиняных карьерах.

После короткого совещания церковных и светских властей был отправлен взвод кавалеристов во главе с испанцем капралом, дабы вернуть в лоно церкви ее заблудших детей. Этот поход по долине Кармело, а затем дальше, в горы, оказался не из легких, да и поплутать пришлось немало, ибо беглецы с каким-то дьявольским искусством запутывали свои следы. На поиски ушло не менее недели, и когда солдаты обнаружили наконец еретиков, мирно спящих среди зарослей папоротника на берегу небольшой реки, они их уже ненавидели всеми фибрами души.

Разгневанные каратели схватили индейцев и, невзирая на их вопли, привязали к длинной, тонкой цепи. Затем колонна развернулась и направилась обратно в Кармело, дабы предоставить бедным неопитам возможность искупить свою вину, трудясь в глиняных карьерах.

На следующий день, уже под вечер, вдруг выскочил олененок, промчался перед ними и скрылся за горой. Капрал бросился за ним вдогонку, покинув своих подопечных. Тяжеловесная кобыла с трудом карабкалась по крутому склону, острые шипы раздирали в кровь лицо капрала, но он рьяно преследовал вожака стада. Через несколько минут он был уже на горном кряже и остановился как вкопанный, пораженный развернувшейся перед его взором картиной – уходящая вдаль зеленая долина, на которой паслось стадо оленей. На ней росли огромные дубы, а опоясывающие долину горы заботливо оберегали ее от ветров и туманов.

Перед лицом этой безмятежной красоты дрогнул железный капрал. Тот капрал, который бичом раздирал в клочья коричневые спины рабов; неистовый родоначальник новой расы, в дальнейшем населившей Калифорнию, носитель цивилизации, бородатый и дикий, порывисто спрыгнул с седла и сорвал с головы каску.

– Матерь Божья, – прошептал он. – Да ведь это зеленеют райские пастбища, и сам Господь привел нас сюда.

* * *

Его потомки почти белые. Мы можем только представлять себе, каким благоговением он был охвачен, увидев долину, но название, которое он ей дал, сохранилось и поныне. Она известна как *Las Pasturas del Cielo*¹. Судьба оберегала этот дивный уголок – ни один испанский гранд не стал его обладателем благодаря своему богатству либо женитьбе. Забытая всеми, окруженная горами, долина долго оставалась ничьей. Капрал, первооткрыватель Райских Пастбищ, всю жизнь собирался вернуться туда. Как многие наделенные необузданной энергией люди, он с тоской мечтал мирно закончить свои дни на берегу речушки, в глинобитном домике и слушать по ночам, как вздыхают за стеной коровы.

Но случилось так, что он заразился оспой от индианки, и когда недуг изуродовал его лицо, друзья заперли его в старом амбаре, дабы предотвратить распространение заразы; там он тихо скончался, ибо оспа, хоть и ужасна на вид, для отправляющегося в лучший мир не самый скверный спутник.

¹ Райские Пастбища (исп.).

Спустя много лет несколько переселенцев с семьями осели в Райских Пастбищах, поставили изгороди, вырастили там фруктовые деревья. Поскольку законного владельца не было, соседи ссорились без конца. Прошло сто лет, в Райских Пастбищах жило двадцать семей на двадцати небольших фермах. В середине долины расположились лавка и почта, а в полумиле от них, на берегу реки, стояло ветхое строение – школа, стены которой были сплошь испещрены инициалами.

Но вот в конце концов жизнь односельчан потекла спокойно и зажиточно. Земля была плодородна, возделывать ее было легко. В садах созревали самые вкусные фрукты в Калифорнии.

II

Ферма Бэттлов слыла среди обитателей Райских Пастбищ местом проклятым, ребяташки же считали, что там обитают привидения. И хотя земля на ферме была плодородная, сочная, никто ее не домогался; и в доме никто не хотел жить, ибо печалью и угрозой веет от земли и дома, внезапно покинутых теми, кто любил их и здесь трудился. И деревья вокруг брошенного дома были темные, и тени их на земле возбуждали тревогу.

Вот уже пять лет как опустела ферма Бэттлов. Сорняки, забывшие, что такое мотыга, вымахали выше кустов. В саду мощно разрослись фруктовые деревья, ветви их переплелись между собой. Фруктов стало больше, но размером они сделались поменьше. Ежевика проросла сквозь корни яблонь, яблоки, падая, скрывались в ней.

Сам дом, двухэтажное, добротное, прямоугольное здание, был прекрасен и величав, пока не потемнела его белая окраска, но затем произошли события, которые сделали его заброшенным и одиноким. Дикое растение оплели веранды, стены дома стали серыми от ветра и дождей. Мальчишки, эти лейтенанты, всегда готовые к войне против творений рук человеческих, повывали во всех окнах стекла и вытащили из дома все, что только можно было вытащить. Мальчишки ведь считают, что каждый предмет, достаточно легкий, чтобы его уволочь, и не имеющий хозяина, всегда сгодится дома для какой-нибудь игры. Они выпотрошили дом, забросали всяким мусором колодцы, а потом по чистой случайности, тайно покуривая на сеновале настоящий табак, сожгли до основания амбар. Пожар, как водится, свалили на бродяг.

Опустошенная, заросшая сорняками ферма находилась почти в центре долины. По обе стороны от нее расположились самые богатые, процветающие участки в поселке. Она торчала, как бельмо в глазу, рядом со своими нарядными, ухоженными соседками. Жителям поселка это место казалось зловещим, поскольку с ним были связаны ужасная история и совершенно непостижимая тайна.

Два поколения Бэттлов прожили на ферме. Джордж Бэттл пришел сюда, на запад, в 1863 году из штата Нью-Йорк; был он тогда молод – призывного возраста. Мать дала ему денег на покупку фермы и на постройку большого, просторного дома. Когда все было сделано, Джордж Бэттл послал за матерью. Старуха собралась в путь, наивно полагая, что весь мир это не более чем десять миль во все стороны от ее деревни. Она увидела легендарные города – Нью-Йорк, Рио и Буэнос-Айрес. Едва отплыв от Патагонии, она умерла, и моряки похоронили ее в серых волнах океана, а гробом ей послужил кусок холста и три звена привязанной к ногам якорной цепи, а она-то мечтала лечь в могилу на домашнем кладбище, где полно своих.

Джордж Бэттл стал присматривать себе женщину, в которую не жалко было бы вложить капитал. В Салинасе он обрел мисс Мертл Камерон, старую деву тридцати пяти лет, обладательницу небольшого приданого. Мисс Мертл не вышла замуж оттого, что страдала некоторой склонностью к эпилепсии, болезни, которую в те времена называли падучей и приписывали гневу Божьему. Джордж не стал тревожиться из-за этого. Он понимал, что не все ему по карману. Мертл стала его женой, родила ему сына, а потом, после того как она дважды попыталась поджечь дом, ее заключили в маленькую частную тюрьму в Сан-Хосе, под названием «Санитарий Липмана». Остаток дней своих она прожила там, вышивая на холсте картины из жизни Иисуса Христа.

А затем хозяйство в доме Бэттлов вели многочисленные раздражительные домоправительницы из тех, кто помещает в газетах объявление: «Вдова, 45 лет, ищет место экономки на ферме. Хорошо готовит. Грамотна». Они являлись одна за другой и в течение нескольких дней были милы и печальны, пока не узнавали о существовании Мертл. Тут они, сверкая глазами, принимались громко топтать по всему дому, глубоко возмущенные тем, как их ловко облапошили.

Джордж Бэттл к пятидесяти годам превратился в сгорбленного работой старика, сурового и неприветливого. Он не поднимал глаз от земли, которую так терпеливо обрабатывал. Руки – грубые, темные, в трещинах, похожие на медвежьи лапы. А ферма была прекрасна. Деревья в саду, все как одно, аккуратно подстрижены и ухожены. На ровных, сделанных как по линейке грядках зеленели свежие овощи. Джордж любил свой дом, он разбил перед домом цветник. Второй этаж так и остался необитаемым. Эта ферма представляла собою поэму, сложенную человеком, не умеющим говорить. Он терпеливо создавал ландшафт и ждал свою Сильвию. Сильвию он не дождался, но, ожидая ее, продолжал выхаживать свой сад. Все эти годы рядом с отцом рос сын, но Джордж почти не обращал внимания на мальчика. Для него существовали только фруктовые деревья и зеленые, свежие грядки на огороде. Когда сын его Джон покинул дом – он стал странствующим проповедником, – Джордж не скучал о нем. Он продолжал трудиться, с каждым годом все ниже пригибаясь к земле. Соседи никогда не заговаривали с ним, – все равно он их не слушал. У него были всегда скрючены руки, и постепенно они превратились в некие приспособления – рукоятки всевозможных инструментов словно срастались с его ладонями. Он умер в шестьдесят пять лет – от старости и кашля.

Джон Бэттл вернулся в своей повозке домой и вступил во владение фермой. От матери он унаследовал эпилепсию и фанатичную веру в Бога. Вся свою жизнь Джон посвятил борьбе с нечистой силой. В бытность миссионером он вздымал руки, вызывал бесов и тут же сокрушал их, изгонял, искоренял духов зла. Но и по возвращении домой нечистая сила требовала его внимания. Овощи на грядках рассыпали семена, несколько раз проросли новые всходы, но победили в конце концов сорняки. Ферма двинулась назад, к первоначальному состоянию, бесы же становились все сильнее и совсем обнаглели.

Чтобы спастись от них, Джон Бэттл вышел на одежде и шляпе маленькие белые крестики и, экипированный таким образом, объявил войну легионам духов тьмы. В сумерки он бродил с большой палкой по ферме. Бросался на кустарник, молотил палкой по кустам, яростно выкрикивая проклятия, пока черти не уберутся. В ночном мраке продирался сквозь заросли кустов к месту сборищ нечистой силы и бесстрашно на них бросался, избивал без жалости. А днем уходил в дом и спал: днем черти прячутся.

Как-то под вечер, на закате, Джон крался к кусту сирени возле дома. Он знал, что этот куст служит тайным пристанищем демонов. Приблизившись настолько, что нечистым уже некуда было бежать, он вскочил и с громким воплем бросился на куст, размахивая палкой. Удары палки разбудили змею, она зашипела спросонья, медленно поднимая свою плоскую головку. Джон выронил палку и затрясся – кровь холодеет, когда слышишь шипение змеи. Он упал на колени и начал молиться. Но вдруг он вскрикнул: «Знаю, что это за змея! Вон отсюда, дьявол!» – и набросился на нее с голыми руками. Трижды ужалила его змея в шею – там не было крестиков, его защиты. Борьба продолжалась недолго – через несколько минут он умер.

Соседи нашли его, лишь заметив, что канюки стали пикировать с неба, обнаружили они его в таком виде, что навсегда прониклись ужасом перед фермой Бэттлов.

Ферма пустовала десять лет. Ребятишки говорили, что в доме завелись привидения, и бегали туда по вечерам – дети любят страшное. Что-то жуткое было в старом, мрачном доме с глазницами выбитых окон. Краска осыпалась белой шелухой, задралась лохмотьями кровельная дранка. Участок пришел в полное запустение. Он достался в наследство дальней родственнице Джорджа Бэттла, но она ни разу не видела ферму.

В 1921 году хозяевами фермы Бэттлов стали Мastroвичи. Их появление было неожиданным и загадочным. Внезапно прибыли однажды утром старик и его старуха, тощие, кожа желтая, блестящая, туго натянутая на выдающихся скулах. Они не говорили по-английски. И объяснялись с жителями долины, только прибегая к помощи сына. Это был крупный мужчина с такими же, как у родителей, выпирающими скулами, с неровно подстриженными и спадаю-

щими на лоб черными волосами, с угрюмыми, тусклыми черными глазами. Он говорил по-английски с акцентом, да и то только тогда, когда ему было что-нибудь нужно.

Встречаясь с младшим Мастровичем в лавке, соседи пытались расспросить его, но не получали ни малейших сведений.

– А мы думали, у вас там духи водятся. Вы их не видели? – спросил его как-то Т. Б. Аллен, хозяин лавки.

– Нет, – ответил молодой Мастрович.

– Ферма будет что надо, только сорняки выполоть. – Мастрович направился к выходу.

– Что-то там не так, – сказал Аллен. – Кто на этой ферме ни поселится, все терпеть не могут разговоров.

Стариков Мастровичей мало кто видел, молодой же человек работал с утра до ночи. Он очистил участок и засадил его, подрезал деревья и опрыскивал их – все без помощников. Когда ни пройдешь, он все работает, работает, лихорадочно, прямо бегом носится, а лицо такое, будто он боится, что время остановится прежде, чем он успеет собрать урожай.

Вся семья жила и спала в кухне большого дома. Остальные комнаты были заперты и пусты, выбитые стекла не вставляли. Чтобы спастись от сквозняков, Мастровичи заклеили кухонные окна липкой бумагой от мух. Красить дом они не стали, да и вообще ничего с ним не делали, но под напором лихорадочных усилий их сына ферма снова расцвела. Едва начинало светать, он уже выходил из дома, возвращался же в сумерки.

Но вот как-то утром Пэт Хамберт по пути в лавку заметил, что в доме Мастровичей не идет дым из трубы.

– А ферму-то вроде снова бросили, – сказал он Аллену. – Кроме этого парня, мы, правда, никогда там никого не видали, но что-то не так. Я, понимаешь, чувствую – бросили дом.

Три дня соседи по деревне поглядывали на трубу с опаской. Им ужасно не хотелось приступить к расследованиям – занятие предельно идиотское. На четвертый день Пэт Хамберт, Т. Б. Аллен и Джон Уайтсайд направились все-таки к дому. Там было подозрительно тихо. И впрямь подумаешь: жильцы уехали. Джон Уайтсайд постучал в дверь кухни. Поскольку не последовало ни ответа, ни даже шороха, он повернул ручку. Дверь отворилась. На кухне было безупречно чисто, стол накрыт, на нем – блюда, тарелочки с кашей, яичница, хлеб нарезан. На продуктах уже образовался налет плесени. В лучах света, проникавшего в помещение сквозь открытую дверь, роились мухи.

– Есть тут кто-нибудь? – крикнул Пэт Хамберт, сам понимая, что вопрос звучит глупо.

Они старательно осмотрели весь дом, он был пуст. Мебели в комнатах не было – только на кухне. Ферму бросили, причем насовсем, бросили молниеносно.

Впоследствии, когда шерифу сообщили о случившемся, он тоже ничего не обнаружил. Мастровичи заплатили за ферму наличными и исчезли, не оставив ни малейших следов. Никто не видел, как они уехали, их вообще больше никто не видел. И никаких таких особых преступлений в этом районе тоже не совершалось. Мастровичи исчезли внезапно, вот будто сели однажды утром позавтракать – и вдруг исчезли. В лавке Аллена об этом много толковали, но загадка так и осталась загадкой.

Земля снова заросла сорняками, плющ опутал ветви фруктовых деревьев. Ферма словно приучилась дичать, разруха наступила быстро. За неуплату налогов ее предали монтерейской компании по торговле недвижимым имуществом, а жители Райских Пастбищ, кто про себя, кто вслух, твердили, что ферма Бэттлов – проклятое место. «Земля-то хороша, – говорили они, – но мне ее и даром не нужно. Уж не знаю, что там такое, только странные дела творятся, даже в дрожь бросает. Так и в нечистую силу поверить недолго».

У жителей Райских Пастбищ перехватило дыхание, когда они узнали, что на ферме Бэттлов снова появились обитатели. Пэт Хамберт, увидев возле фермы машины, принес эту новость в лавку Т. Б. Аллена, а уж тот пустил ее дальше. Фантазия Аллена заработала, он вообразил

себе все обстоятельства, связанные с появлением новых владельцев, и доверительно рассказывал о них своим посетителям, неизменно начиная со словечка «говорят».

– Говорят, тот малый, что купил ферму, он из тех, кто ищет призраков, а потом о них пишет.

Это свое «говорят» Т. Б. Аллен использовал как прикрыtie, точно так же, как в газетах пишут: «согласно сообщению».

Берт Мэнро еще не стал владельцем нового имения, а в Райских Пастбищах о нем уже ходили легенды. Он чувствовал, что новые соседи за ним подглядывают, но ни разу не застукал их за этим занятием. Это тайное подглядывание у деревенских жителей достигает уровня высокого искусства. Ни одна мелочь от них не укроется. Разглядят одежду, запомнят и разложат все по полочкам так, что в конце концов точно знают, какого цвета у вас глаза, какой формы нос, и сведут определение вашей внешности и личности к трем-четырем прилагательным, а вы и не заметите, что они за вами наблюдали.

Купив ферму, Берт Мэнро занялся двором и огородом, а в доме тем временем работали плотники. Всю мебель, до последней щепочки, вынесли во двор и сожгли. Все стенки и перегородки заменили новыми. Оклеили их обоями, крышу покрыли шифером. И, наконец, покрасили дом светло-желтой краской.

Берт самолично срезал разросшийся плющ, подстриг деревья перед домом, чтобы делалось светлее. Три недели спустя дом уже ничем не напоминал жуткое обиталище нечистой силы. С каждым ударом кисти гения он постепенно делался неотличимым от тысячи точно таких же деревенских домов Запада.

Едва снаружи и внутри подсохла краска, начала прибывать мебель: мягкие стулья и диван, эмалированная плита, металлические кровати, покрашенные под дерево и гарантирующие надежный уют. Прибыли и зеркала в резных рамах, и толстые, пушистые ковры, и гравюры современных художников, от которых пошла мода на «синьку».

Вместе с мебелью на ферму прибыли миссис Мэнро и трое юных Мэнро. Миссис Мэнро, полная женщина, носила пенсне на шнурочке. Миссис Мэнро была хорошей хозяйкой. Мебель двигали с места на место бесчисленное количество раз, пока она, наконец, не приходила к выводу, что все в порядке, но уж придя к этому выводу и бросив пристальный, последний взгляд на обретшую пристанище вещь, она кивала, улыбалась, после чего вещь закреплялась за своим местом навсегда, – ее сдвигали только во время уборки. Ее дочь Мэй была хорошенькая девушка с круглыми щеками и красными, как вишня, губками. У нее была соблазнительная фигурка, но очаровательная складочка под подбородком сулила в будущем такую же полноту, как у ее матери. Ее глаза, доброжелательные и доверчивые, особого ума не выдавали, впрочем, глупыми они тоже не выглядели. Чувствовалось, что Мэй постепенно превратится в двойника своей мамы, станет хорошей хозяйкой, матерью здоровых детей, безупречной и верной женой.

В своей новой комнате Мэй засунула в зеркало – между рамой и стеклом – программки танцев. На стенах развесила вставленные в рамочку фотографии своих друзей из Монтерея, положила на тумбочку возле кровати альбом и запертый на замочек дневник. В дневнике от любопытных глаз таились никому не интересные отчеты о танцульках, вечеринках, о небольших увлечениях Мэй и рецепты приготовления конфет. Она купила и повесила у себя в комнате бледно-розовые тюлевые занавески с воланами из разноцветного кретона. На кровати, на атласном покрывале разбросала пять будуарных подушек, на них пристроила длинноногую французскую куклу с наклеенными светлыми волосами и с тряпичной сигаретой, свисавшей с вялых губ. Мэй казалось, что эта кукла утверждает широту ее взглядов, ее терпимость к тому, чего она в душе не одобряла. Она любила заводить подружек «с прошлым», потому что, разговаривая с ними, освобождалась от сожаления о своей собственной полнейшей непорочности. Ей было девятнадцать; больше всего она думала о замужестве. Отправляясь куда-нибудь с молодыми людьми, она не без волнения говорила им об идеалах. Что такое идеалы, она пред-

ставляла себе смутно, но они каким-то образом помогали ей регулировать страстность поцелуев на пути с танцплощадки домой.

Джимми Мэнро было семнадцать лет, он только что окончил среднюю школу и был полон скептицизма. В обществе родителей он обычно бывал замкнут и угрюм. Он прекрасно понимал, что поделиться с ними своим житейским опытом и взглядами невозможно – они ничего не поймут. Родители принадлежали к поколению, не имеющему ни малейшего понятия о том, что такое грех, равно как и о том, что такое героизм. Родители едва ли возликуют, узнав, что он твердо решил сперва перебеситься, а затем посвятить жизнь науке. Под наукой Джимми подразумевал радио, археологию и аэропланы. Он представлял себе, как в Перу на раскопках он извлекает из земли золотые сосуды. Мечтал замкнуться где-нибудь в подвале и после многих лет страдания и насмешек выйти оттуда с аэропланом новой конструкции, развивающим неслыханную скорость.

Как только Джимми обосновался в своей комнате в новом доме, она тотчас превратилась в свалку всяких механизмов. Был там и детекторный приемник с наушниками, и индуктор с действующим телеграфным ключом, и медный телескоп, и куча прочих изделий, разобранных на части. И у Джимми был свой тайник – дубовый сундучок с тяжелым висячим замком. В нем находились полбанки пистонов с динамитом, старый револьвер, пачка сигарет «Меларино», три безделушки, известные под названием «Веселые вдовушки», бутылочка персикового бренди, нож в форме кинжала для разрезания бумаги, четыре связки писем от четырех разных девиц, шестнадцать карандашей губной помады, стибренных у партнерш по танцам, коробочка с сувенирами – засушенные цветы, носовые платки и пуговицы, и драгоценнейший из всех – подвязка с черными кружевами. Джимми забыл уже, как он утащил эту подвязку. То, что он помнил, было куда существенней. Он всегда запирает дверь, перед тем как раскрыть сундучок.

В школе Джимми грешил не больше многих своих друзей, некоторые же сильно его обогнали. Но приехав в Райские Пастбища, он обнаружил, что превзошел здесь всех своей порочностью. И он стал считать себя утихомирившимся повесой, но утихомирившимся не настолько, чтобы вновь нечаянно не оступиться. Эта житейская искушенность придавала ему особый шик в глазах местных девушек, делала его жизнь наполненной. Джимми обладал довольно приятной наружностью: стройный, хорошо сложенный, с темными волосами и глазами.

Мэнфред, младший мальчик, – его обычно называли Мэнни – был серьезный семилетний ребенок с припухшим и отечным из-за аденоидов лицом. Родители знали, что у него аденоиды, иногда даже говорили, что их надо удалить; Мэнни до смерти боялся «удаления», и заметив это, мать всегда грозила ему операцией, если мальчик плохо себя вел. Кончилось это тем, что при первом же упоминании об аденоидах Мэнни от ужаса принимался истерически рыдать. Мистер и миссис Мэнро считали его очень умным, чуть ли не гением. Обычно он играл сам с собой, или часами сидел, уставившись в пространство, «мечтал», как говорила мать. Родители несколько лет не догадывались, что Мэнни ненормальный, что аденоиды затормозили его умственное развитие. Мэнни был хорошим мальчиком, послушным; припугнув, его легко было заставить делать что угодно, но если родители перегибали палку, у него начиналась истерика, он выходил из себя и даже утрачивал чувство самосохранения. Тогда он принимался биться лбом об пол и разбивал его до крови – так сильно, что кровь заливала глаза.

Берт Мэнро приехал в Райские Пастбища передохнуть от борьбы с силой, неизменно его побеждавшей. Он ввязывался во многие предприятия и везде терпел поражения, не по своей вине – его преследовали неудачи, каждая из которых сама по себе была чистой случайностью. Но когда Берт рассматривал эти случайности вкупе, они ему представлялись кознями коварной, недоброй судьбы, не допускавшей его успеха. Он устал сражаться с безымянным нечто, ставившим преграды на всех его путях. Берту было всего только пятьдесят пять лет, но он устал; он был убежден, что над ним тяготеет проклятие.

Много лет назад он построил гараж при выезде из города. Дело пошло хорошо, в карман потекли денежки. Он уже совсем уверенно почувствовал себя, но тут вдруг магистраль перевели на другую улицу, он прогорел, остался на мели. Через год или чуть позже он продал гараж и открыл бакалейную лавку. Ему снова повезло. Он расплатился с долгами, даже открыл счет в банке. Но тут местные бакалейщики объединились против него, сбили цену и принудили его отказаться от дела. Берт был ранимый человек. Такие штуки приключались с ним по меньшей мере десять раз. Именно тогда, когда успех казался прочным, его настигала беда. Он перестал верить в себя. Когда началась война, он уже почти совсем пал духом. Берт знал, что можно делать деньги на войне, но, битый столько раз, он просто трусил.

Ему пришлось долго уговаривать себя, прежде чем он решился заключить свой первый контракт с действующей армией на поставку бобов. В первый год предприятие дало пятьдесят тысяч долларов дохода, во второй – двести тысяч. На третий год он закупил урожай бобов с нескольких тысяч акров земли еще до того, как они были засеяны. В договорах он гарантировал выплату десяти центов за каждый фунт бобов. Он рассчитывал продать их по восемнадцать центов фунт. Война окончилась в ноябре, и он продал весь урожай по четыре цента за фунт. Денег у него осталось несколько меньше, чем в тот день, когда он к делу приступал.

На этот раз он окончательно уверовал, что проклят. Неудачи сломили его – часто он подолгу не выходил из дома. Работая в саду, он раздумывал о своей горькой участи. В течение этих смутных лет в нем росла постепенно тоска по земле. Единственную возможность обойти свою проклятую судьбу он видел теперь в том, чтобы стать фермером. Он решил, что где-нибудь на маленькой ферме обретет, наконец, покой.

Ферма Бэттлов была объявлена к продаже компанией недвижимого имущества в Монтерее. Берт осмотрел ферму, понял, как привести ее в человеческий вид, и купил. Сперва его семья была против переезда, но когда он вычистил двор, провел в дом электричество и телефон, обставил его получше, все они прямо влюбились в свою новую ферму. Впрочем, для миссис Мэнро всякая перемена была к лучшему – лишь бы Берт перестал, наконец, уныло шляться по двору.

Как только Берт купил ферму, он почувствовал себя свободным. Он победил судьбу. Теперь он твердо знал, что сбросил с себя проклятие. За один-единственный месяц у него расправились плечи, просветлело лицо. Он увлеченно занялся новым делом, зачитывался книгами по сельскому хозяйству, нанял батрака и сам работал от зари до зари. Каждый новый день его чем-нибудь удивлял. В каждом проросшем зерне он видел обещание свободы. Он был счастлив, вернулась уверенность в себе, а вместе с нею и желание обрести здесь друзей.

В деревне трудно сразу стать своим. Для этого требуется большой такт. К вселению семьи Мэнро жители Райских Пастбищ отнеслись с некоторой неприязнью. На ферме Бэттлов ведь нечисто. Так считали все, даже те, кто сам же над этим смеялся. А тут вдруг появился человек, который показал им – проклятия не существует. Более того, он изменил сам дух этих мест – проклятая ферма стала вполне безобидной и даже процветающей. А люди между тем уже привыкли думать, что над фермой Бэттлов тяготеет проклятие, и в глубине души не одобряли перемен.

То, что Берту удалось побороть их враждебность, факт весьма примечательный. Через три месяца он уже был здесь своим – порядочный человек, да и сосед хороший.

Он брал у соседей займы инвентаря и сам частенько им одалживал какую-нибудь нужную по хозяйству мелочь. Спустя шесть месяцев его выбрали в попечительский совет школы. Именно это – ощущение счастья, освобождения от злых демонов собственной души и влекло к нему людей. К тому же он был человек добрый, ему нравилось помогать друзьям, и, что еще важнее, он и сам охотно принимал их помощь.

Однажды в лавке, разговорившись с фермерами, Берт изложил свое кредо. Им понравилась его искренность. Случилось это вскоре после того, как Мэнро перебрался в долину. Т. Б. Аллен задал ему свой обычный вопрос:

– Мы всегда считали, что у Бэттлов нечисто. Странные там бывали вещи! Вы привидений еще не встречали у себя?

Берт рассмеялся.

– Если не раскидывать по дому всякую дрянь, крыс в нем не будет, – сказал он. – А я выбросил из дома затхлость, гниль и тьму – это за них цеплялись призраки.

– Да, вы из фермы конфетку сделали, – согласился Аллен. – Лучшей земли во всех Пастбищах не найти, конечно, если содержать ее в порядке.

Берт нахмурился, как бы переваривая только что возникшую мысль.

– Мне часто не везло, – сказал он. – Много я затевал всяких дел, но все они плохо кончались. Пока я не переехал сюда, мне казалось, что я проклят. – Вдруг он рассмеялся, осененный неожиданной мыслью. – И что ж я делаю? Перво-наперво покупаю ферму, о которой говорят, что она тоже проклята. Но тут мне пришло в голову: а что, если мое проклятие схлестнулось с проклятием фермы и они друг друга уничтожили, а? Вот клянусь, я совершенно уверен, что призраков теперь нет, все ушли!

Соседи рассмеялись. Т. Б. Аллен хлопнул рукой по прилавку.

– Неплохо придумано! – воскликнул он. – Но вот вам еще одна идея, похлеще. Что если ваше проклятие и проклятие, которое лежит на ферме, сошлись и забрались в какую-нибудь крысиную нору, словно две гремучие змеи. А там, глядишь, народится целая туча маленьких проклятий и расползется по нашим Пастбищам. Вот тогда-то мы попляшем!

Тут хохот достиг апогея. Этот разговор почему-то так глубоко запал Аллену в память, что он и много лет спустя вспоминал его до мельчайших подробностей. «Ну, прямо как в театре!» – думал он.

III

Эдвард Уикс жил в маленьком угрюмом доме у дороги. За домом находились большой огород и сад, в котором росли персики. Пока Эдвард занимался персиками, его жена и красавица дочь копались в огороде, где выращивали горох, бобы и раннюю клубнику и продавали их потом в Монтерее.

У Эдварда Уикса было грубое загорелое лицо и маленькие, холодные глазки, почти лишенные ресниц. В долине Райских Пастбищ его считали ловкачом. Он вел дела по-хитрому, и не было для него большей радости, чем выжать из своих персиков на несколько центов больше, чем сосед. Он занимался помаленьку и барышничеством, и в деревне уважали его за оборотистость, но странное дело – он почему-то не богател. Впрочем, ему нравилось делать вид, будто он вкладывает деньги в ценные бумаги. На заседаниях в школе он советовался с соседями о разных денежных вкладах, и никто не сомневался, что у него большие сбережения. В долине его называли Акула Уикс.

– Акула-то? – говорили соседи. – Да у него уж тысяч двадцать, а то и больше. Этому пальца в рот не клади.

А в действительности он ни разу в жизни не держал в руках более пяти сотен долларов.

Акула очень радовался, что его считают богатым. Это доставляло ему такое удовольствие, что он и сам поверил в свое богатство. Как-то раз вообразив, что накопил уже пятьдесят тысяч, он завел счетную книгу, подсчитывал свои доходы и вел записи капиталовложений. Эти манипуляции доставляли ему ни с чем не сравнимую радость.

В Салинасе образовалась нефтяная компания, которая решила бурить скважину в южной части округа Монтерей. Узнав об этой новости, Акула отправился на ферму Джона Уайтсайда обсудить надежность акций новой компании.

– Я вот тут подумываю насчет этой... Южной нефтяной компании, – сказал он.

– Ну что ж, судя по сообщениям геологов, там действительно что-то есть, – сказал Джон Уайтсайд. – Я давно уже слышу, что в тех местах должна быть нефть. Много лет об этом слышу. – Джон Уайтсайд привык давать консультации по подобным вопросам. – Но, конечно, вкладывать туда слишком много я бы не стал.

Уикс потрогал нижнюю губу и задумался.

– Обмозговывал я это дело, – сказал он. – По-моему, очень стоящее. У меня есть тысяч десять, и лежат они почти что без толку. Надо бы ими заняться всерьез. Только сперва хотелось узнать ваше мнение.

В действительности Акула уже принял решение. Придя домой, он вытащил счетную книгу и снял с воображаемого банковского счета десять тысяч. Затем приписал к своему списку капиталовложений тысячу долларов, вложенных в акции Южной нефтяной компании. С этого дня он с лихорадочным вниманием следил за курсом своих акций на бирже. Чуть поднимется цена, он себе ходит и посвистывает, упадет – у Акулы от мрачных предчувствий сразу в горле комок. И наконец, когда акции Южной компании внезапно резко взлетели вверх, он так возрадовался, что тотчас же отправился в лавку, где приобрел каминные часы из черного мрамора с колонками из оникса по обе стороны от циферблата и с бронзовой лошадью наверху. Те, кто был в лавке, сразу же смекнули и стали перешептываться: Акула, мол, сорвал солидный куш.

А неделю спустя стоимость акций катастрофически упала и компания лопнула. Едва услышав эту новость, Акула вытащил счетную книгу и записал туда, что продал акции за неделю до краха, продал с прибылью в две тысячи долларов.

Пэт Хамберт, возвращаясь из Монтерее, остановил автомобиль на дороге перед домом Акулы.

– Я слышал, ты здорово накрылся с этой Южной компанией, – сказал он.

Акула самодовольно усмехнулся.

– Да за кого ты меня принимаешь, Пэт? Я продал все еще позавчера. Я ведь не грудной младенец, и тебе это отлично известно. Я знал, что эти акции дутые, но, кроме того, я знал, что некоторое время они будут подниматься, и кто захочет, выйдет сухим из воды. Начали играть на понижение, и я не отстал от других.

– Здорово ты обернулся! – восхитился Пэт.

В лавке он передал новость дальше. Фермеры кивали головами и прикидывали в уме, сколько ж у Акулы накопилось денег. Все сошлись на том, что он деляга будь здоров.

А Акула тем временем взял в монтерейском банке четыреста долларов в долг и купил подержанный трактор фордзон.

Мало-помалу слава о предприимчивости Акулы и его деловой сметке так возросла, что ни один из местных фермеров теперь уж не решался приобрести хоть одну акцию или клочок земли, или даже лошадь, не посоветовавшись предварительно с Акулой Уиксом. И с каждым из своих почитателей Акула обсуждал все подробности дела, после чего давал на редкость толковый совет.

Спустя несколько лет его счетная книга свидетельствовала, что путем обдуманных капиталовложений Акула накопил сто двадцать пять тысяч долларов. А за то, что он живет, как бедняк, соседи еще больше его уважали – не закружилась, значит, от богатства голова. Уж ему-то пальца в рот не клади. Его жена и красавица дочь по-прежнему возились с овощами и готовили их для продажи, а Акула усердно работал в саду.

Он прожил жизнь, не зная романтической любви. Когда ему было девятнадцать лет, он трижды пригласил на танец Кэтрин Маллок, которую никто не приглашал. Так все и пошло, а потом он на ней женился, потому что этого ожидали и все соседи, и ее семья. Кэтрин не была хорошенькой, зато она обладала крепкой свежестью весенней травы и задором молодой кобылки. После замужества она утратила и свежесть и задор, как цветок после опыления. Она раздалась в бедрах, у нее обвисли щеки, и Кэтрин покорила новую участи – работать и работать без конца.

В обращении с женой Акула никогда не проявлял ни жестокости, ни нежности. Он обходился с нею ласково и непреклонно, точь-в-точь как с лошадьми. Быть жестоким казалось ему столь же неразумным, как потакать. Он не разговаривал с женой, как разговаривают с человеком, он не рассказывал ей о своих мыслях, надеждах, потерях, о своем богатстве, существовавшем только на бумаге, и об урожае на персики. Если б он когда-либо заговорил с ней о чем-то подобном, Кэтрин бы встревожилась и удивилась. В ее жизни и без того хватало сложностей, совершенно незачем было к ним добавлять груз чужих проблем и мыслей.

Ничего более безобразного, чем бревенчатый дом и двор вокруг, на ферме Уиксов не было. Мусор, хлам, который за год оставляет природа, весь уходит в землю, а вот мусор, оставляемый людьми, куда более долговечен. На земле валялись старые мешки, бумага, битая посуда, перепутанные мотки проволоки. На всем участке было одно лишь место, где не росли ни трава, ни цветы, – утрамбованная земля возле дома; эта земля стала бесплодной и пустынной, потому что на нее без конца выплескивали лохани мыльной воды. Персиковый сад Акула орошал, а вот лить чистую воду у стен собственного дома казалось ему баловством.

Когда родилась Элис, местные фермерши толпой нагрянули к Уиксам и каждая заранее приготовилась вскричать: «Ах, какое милое дитя!» Но увидев, что дитя действительно прекрасно, они разом онемели и не знали, что сказать. Стоило ли ахать, выражая восторг, ведь это делают обычно с целью утешить молодую мамашу и уверить ее, что кошмарный лягушонок, которого она держит на руках, – и в самом деле особь человеческого рода и не станет чудическим, когда вырастет. И в глазах Кэтрин, устремленных на ребенка, не было того фальшивого восторга, за которым молодые матери обычно прячут разочарование. Когда Кэтрин увидела,

что девочка так красива, ее охватили самые разноречивые чувства – изумление, ужас, тревога. Красота Элис была чудом, а за чудом должна была последовать расплата. Красивые дети, уверяла себя Кэтрин, потом становятся уродами. Она твердила это словно заклинание, словно стремясь опередить судьбу и помешать ее козням, предугадав все заранее.

В тот день, когда к ним впервые наведались соседки, Акула слышал, как одна из них с удивлением говорит подруге: «А девочка-то и правда красивая. Как это вышло, ума не приложу».

Услыхав эти слова, Акула возвратился в спальню и долго глядел на ребенка. А потом сидел в саду и снова размышлял. Девочка и в самом деле необыкновенно хороша собой. Дураку понятно, что она не унаследовала эту красоту ни от него, ни от Кэтрин, ни от кого-либо из их родственников – у них в роду все были неказисты. И раз судьба даровала ему такую драгоценность – а драгоценность каждый норовит присвоить, – Элис следует оберегать. Размышляя таким образом, Акула искренне веровал в Бога, только Бог представлялся ему загадочным созданием, которое творит совершенно непонятные вещи.

Элис росла и становилась все красивее. Кожа гладкая и яркая, как маков цвет; черные волосы, блестящие и мягкие, словно стебли папоротника; глаза – бездонное небо надежд. Заглянув в серьезные глаза ребенка, человек начинал думать: «В этих глазах есть нечто такое, что я давно уж знаю, нечто такое, о чем невозможно забыть, или же наоборот – нечто такое, что я ищу всю жизнь и не могу найти». Тут Элис поворачивала головку. «Батюшки! Да это ведь всего-навсего хорошенькая девчушка!»

Акула видел – на его дочку многие так глядят. Он видел, как, взглянув на нее, краснеют взрослые мужчины, а мальчишки дерутся, как тигры, когда она рядом.

В каждом мужчине он подозревал злоумышленника. Работая в саду, Акула изводил себя, воображая, как его дочь утащили цыгане. По десять раз на день он предупреждал ее обо всем, что может оказаться опасным: не подходи сзади к лошади, стукнет копытом; не лезь на забор – свалишься; в овраг спускаться опасно, а переходить дорогу, не оглядевшись, самоубийство. Каждый сосед, каждый бродячий торговец и уж, конечно, каждый незнакомый человек был в его глазах потенциальным похитителем. Услыхав, что в округе появились бродяги, он не спускал с Элис глаз. Люди, приезжавшие на пикник, изумлялись, когда он яростно изгонял их.

Что до Кэтрин, то ее тревожные предчувствия росли по мере того, как Элис становилась все красивей. Судьба, конечно же, готовит ей удар, а пока что копит силы, чтобы удар был поистине страшный. Кэтрин превратилась в рабыню собственной дочери, следила за каждым ее движением, выполняла любое желание – так потакают тяжелобольным.

Но хотя супруги Уикс благоговели перед дочерью, смертельно за нее боялись и тряслись, словно скряги, над ее красотой, оба они знали, что их хорошенькая дочка на редкость глупая, тупая, просто умственно отсталая девочка. Акуле только подбавляло страхов убеждение, что Элис не сумеет за себя постоять и с легкостью станет добычей любого, кто захочет ее украсть. А Кэтрин была довольна, что дочь глупа – это обстоятельство давало матери множество возможностей помочь неразумной дочке. И помогая ей, Кэтрин укреплялась в сознании своего превосходства, что до некоторой степени уменьшало разделявшую их пропасть. Каждый промах Элис ее радовал – благодаря ему она становилась для дочки более близкой и более необходимой.

Когда Элис сравнялось четырнадцать, к тем заботам, что мучили ее отца, добавилась еще одна. До сих пор Акула лишь боялся, что его дочку украдут или изуродуют, теперь он холодел от ужаса при мысли, что ее могут лишить невинности. И чем больше он раздумывал об этом, тем сильнее эта последняя тревога заслоняла обе предыдущие. Как-то ему пришло в голову, что если дочь его лишат невинности, то ее тем самым одновременно и украдут, и

изуродуют. С тех пор стоило какому-нибудь мужчине или парню оказаться возле их участка, Акула становился сам не свой.

Эта мысль терзала его, как кошмар. Он то и дело твердил Кэтрин, что с Элис глаз нельзя спускать.

– Откуда ты знаешь, что может случиться, – повторял он, и его белесые глазки горели недобрым огнем. – Откуда ты знаешь, что может случиться с ней.

Он боялся бы гораздо меньше, если б Элис не была глупа. Над такой душой всякий может надругаться, думал он. Останется с ней где-нибудь наедине и тут же изнасилует. А эта дуреха не сумеет себя соблюсти. Ни один владелец породистой суки не оберегал ее во время течки так, как охранял Акула свою дочь.

Дальше – больше: без твердых гарантий он просто места себе не находил. Каждый месяц приставал он к жене. Он помнил числа лучше, чем она. «Ну, как там у нее, все в порядке?» – допытывался он.

Кэтрин высокомерно отвечала:

– Пока нет.

И через несколько часов:

– Ну, как там у нее, все в порядке?

Он повторял и повторял этот вопрос, пока Кэтрин наконец не говорила:

– Ну, конечно, у нее все в порядке. А ты что думал?

Успокоенный ответом, он на месяц умолкал, но бдительность не утрачивал. Элис сохранила целомудрие, а это значит, что его по-прежнему надо оберегать.

Он понимал, что рано или поздно Элис захочет выйти замуж, но упорно отгонял от себя эту мысль – замужество дочери казалось ему столь же возмутительным, как то, что ее могут соблазнить. Она была драгоценностью, а драгоценность нужно хранить и лелеять. Да и сама эта проблема для него была скорее эстетического, чем морального свойства. Лишенная невинности, Элис тут же перестанет быть тем сокровищем, которое он рьяно охраняет. Он любил ее не так, как отец любит свое дитя. Скорее можно сказать, Акула с алчностью отстаивал свое право на владение красивой, редкой вещью. Периодически повторялся все тот же вопрос: «Ну, как там у нее, все в порядке?» – и так месяц за месяцем... Девственность Элис стала символом ее здоровья, ее целостности и сохранности.

Однажды – Элис было уже шестнадцать лет – Акула подошел к жене встревоженный:

– Понимаешь, наверняка-то мы не можем сказать, что у нее все в порядке... одним словом... наверняка мы этого не знаем, покуда доктор ее не поглядел.

Кэтрин ошеломленно вскинула на него взгляд, пытаясь понять, о чем он толкует. А потом впервые в жизни рассердилась.

– Дрянь ты этакая, ишь чего придумал! – крикнула она. – Пошел вон отсюда. И если еще раз такое брякнешь, я... я тебя брошу.

Эта вспышка немного удивила Акулу, но не испугала. Впрочем, с мыслью о медицинском обследовании ему пришлось расстаться и ограничить себя ежемесячными вопросами.

А тем временем богатство, зафиксированное лишь в счетной книге, все возрастало. Каждый вечер, когда жена и дочь ложились спать, доставал он заветную книгу. Сощутив свои блеклые глазки, с хитрым выражением на бледном лице, он обдумывал, куда поместить капитал, и подсчитывал проценты. Его губы медленно шевелились – Акула отдавал распоряжение по телефону, – играть на повышение или на понижение. Непреклонное, но в то же время и печальное выражение появлялось на его лице – он не разрешал продлить закладную хозяевам отличной фермы. «Мне это тоже очень неприятно, – говорил он шепотом. – Но, сами понимаете, дело есть дело».

Акула обмакнул перо в чернильницу и записал в счетную книгу, что в продлении закладной отказано. «Салат, – размышлял он. – Все взяли за салат. Как пить дать, наводнят теперь

им рынок. Заняться что ли картошкой? Мне кажется, на этом можно заработать. Есть у меня на примете хорошая земля в низинке». И он пометил в книге, что нужно отвести триста акров под картошку. Его глаза блуждали по строчкам. В банке лежат триста тысяч долларов и приносят проценты, только проценты. Досадно. Деньги, можно сказать, без толку лежат. Он задумался, в его белесых глазках появилось угрюмое выражение. Вот интересно, надежная это фирма – «Сан-Хосе, строительство и ссуды»? Шесть процентов платят, между прочим. Но ввязываться в такое дело очертя голову нельзя. Закрывая на ночь счетную книгу, Акула решил, что потолкует с Джоном Уайтсайдом. Бывает ведь, компании такого рода прогорают, а кредиторы удирают с чужими деньгами, думал он с тревогой.

До того, как семья Мэнро переселилась в долину, Акула подозревал в дурных умыслах всех мужчин и парней, но как только он увидел Джимми Мэнро, его страхи и подозрительность сосредоточились на этом многоопытном юнце. А юноша и в самом деле был хорош собой и строен, с чувственным, красиво очерченным ртом, и глаза его блестели оскорбительно дерзко, что присуще окончившим школу юнцам. Говорили, что Джимми пьет джин; он носил городские костюмы, комбинезонов никогда не надевал. Волосы он смазывал брильянтином, а от всей его осанки и повадки веяло такой лихостью, что молодые жительницы Райских Пастбищ тут же принимались ерзать и хихикать, обуянные смущением и восторгом. Джимми взирал на своих поклонниц спокойными, циничными глазами и старался выглядеть как можно более распушенным. Он знал, что молодых девиц привлекают молодые люди с прошлым. А у Джимми было прошлое. Он несколько раз напился в «Риверсайд Данс Пэлас»; он целовался по крайней мере с сотней девушек; а три девушки с ним согрешили под софью и на берегу реки Салинас. Джимми очень старался, чтобы на его лице отражались следы порока, но опасаясь, что чисто внешнего впечатления недостаточно, он распустил о себе множество пикантных слухов, которые разнеслись по Райским Пастбищам с лестной для него быстротой.

Слухи дошли и до Акулы Уикса. Ушлый Джимми Мэнро вызывал в нем такой страх, что Акула его возненавидел. Разве сможет, размышлял Акула, красивая и глупая Элис устоять против такого опытного соблазнителя?

Элис еще ни разу не видела юношу, а Акула уже запретил ей с ним встречаться. Он требовал этого так настойчиво, что даже в ее темном сознании зашевелился некий интерес.

– Ты гляди мне, не вздумай болтать с этим Джимми Мэнро, – внушал он дочке.

– А кто это – Джимми Мэнро, папа?

– Не твое дело! Не смей с ним болтать – и конец. Слышала? Шкуру с тебя спущу, если ты на него только взглянешь.

Акула ни разу в жизни не поднял руку на Элис по той же самой причине, по которой он не мог нанести удар по фарфоровой вазе. Он даже не решался приласкать дочку – вдруг останется какой-то след. Да и наказывать ее было незачем. Элис всегда была добрым и послушным ребенком. Дурные наклонности возникают от честолюбия или вследствие какой-нибудь идеи. А у Элис не было ни того, ни другого.

И опять:

– Ну, как там, этот Джимми Мэнро с тобой не разговаривал?

– Нет, папа.

– Ну, смотри, не дай бог я вас застукаю за разговором.

После того, как Акула много раз повторил свой запрет, в дремучий разум Элис вкралось убеждение, что хорошо бы ей познакомиться с Джимми Мэнро. Он ей даже один раз приснился – признак глубочайшего интереса. Элис редко что-либо снилось. В этом сне некий мужчина, похожий на индейца из ее настенного календаря и носивший имя Джимми, подкатил к ней на сверкающем автомобиле и преподнес огромный сочный персик. Элис вонзила в персик зубы, сок потек по подбородку, и ей стало стыдно. Тут мать ее разбудила, так как Элис храпела.

Кэтрин радовало, что дочка храпит. Эти мелкие недостатки их уравнивали. Но в то же время храпеть так не женственно.

Акула Уикс получил телеграмму. «Тетя Нелли скончалась прошлой ночью. Похороны субботу». Он сел в свой форд и двинулся на ферму Джона Уайтсайда сообщить, что не сможет присутствовать на заседании попечительского совета. Уже перед самым уходом Акула озабоченно сказал:

– Вот хотел спросить, как вы считаете насчет фирмы «Сан-Хосе, строительство и ссуды»? Джон Уайтсайд улыбнулся.

– Об этой фирме я мало что знаю.

– Понимаете ли, в банке у меня лежат тридцать тысяч и приносят всего три процента. Я вот подумал, надо бы их куда-нибудь повыгодней пристроить.

Джон Уайтсайд сморщил губы и легонечко подул на палец.

– Ну, пока что я могу сказать только одно: с такой компанией, как «Строительство и ссуды», рискнуть, пожалуй, можно.

– Нет, я так дела не делаю. Никакого риска, – резко возразил Акула. – Я пальцем не пошевелю, если не уверен в выгоде. Охотников до риска без меня хватает.

– Я, пожалуй, слишком осторожно выразился, мистер Уикс. Я хотел сказать, что все эти строительные и ссудные компании, как правило, бывают надежны. И процент выплачивают немалый.

– Ну, что ж, займусь этим, – решил Акула. – Я сейчас еду в Окленд на похороны тети Нелли, так задержусь заодно часика на три в Сан-Хосе и загляну к ним, в эту компанию.

В этот день Акула посоветовался еще с несколькими людьми, а к вечеру в лавке снова состоялся разговор на тему, сколько же он все-таки накопил.

– Одно я вам скажу, – заключил Т. Б. Аллен. – Он и у того спросит совета, и у другого, а голова-то, между прочим, у него работает, и пока он сам во все не вникнет, по чужой указке поступать не будет.

– Это уж точно, уж он не дурак, – дружно согласилась вся компания.

В субботу утром Акула отправился в Окленд, а его жена и дочь впервые в жизни остались на ферме одни. В тот же вечер к ним пожаловал Том Бремен пригласить Кэтрин и Элис в школу на танцы.

– Ох, мне кажется, это не понравилось бы мистеру Уиксу, – сказала Кэтрин, – она и испугалась, и разволновалась.

– Разве он вам запретил туда ходить?

– Нет, он ничего не говорил, но... до сих пор он ведь никуда и не уезжал. Боюсь, это ему не понравится.

– Да ему в голову просто не приходило, вот и не говорил, – успокаивал ее Том Бремен. – Ну, пойдемте. Собирайтесь!

– Пойдем, мама, – сказала Элис.

Кэтрин понимала – дочери решать легко, она слишком глупа, чтоб бояться. Элис не способна думать о последствиях. И о тех мучительных разговорах, что начнутся после возвращения Акулы. Кэтрин казалось, она уже слышит, как он бубнит: «Ума не приложу, чего это вам вздумалось бежать на танцы, как только я уехал. Я-то думал, вы будете за фермой приглядывать, а они сразу на танцульку понеслись». Ну, а потом пойдут вопросы: «С кем Элис танцевала? Хм... И что он ей говорил? Это почему же ты не слышала? Должна была слышать». Злиться он не будет, он будет без конца ее пилить, пока ей не станет тошно даже думать о танцах. А потом наступит это самое число, и пойдут его любимые вопросы, они будут жужжать, как москиты, до тех пор, пока он не убедится, что Элис не ожидает ребенка. Вряд ли удовольствие сходить на танцы стоит того, чтобы терпеть потом эту морочу.

– Пойдем, мама, – упрашивала Элис. – Мы ведь с тобой никогда не выходили из дому без папы.

Волна острой жалости захлестнула Кэтрин. Бедная девочка, в ее жизни не было совершенно ничего. И с парнями никогда не перемолвилась словечком, ведь отец с нее глаз не спускал.

– Ладно, – согласилась она наконец. – Если мистер Бремен подождет, пока мы соберемся, мы пойдем на эти танцы.

Она представила себе, что будет вытворять Акула, и почувствовала себя ужасно храброй.

Деревенской девушке так же плохо быть слишком красивой, как и уродливой. Когда молодые фермеры смотрели на Элис, у них перехватывало дух, они не знали, куда девать вдруг ставшие слишком большими руки, их затылки багровели; никакая сила в мире не могла принудить хотя бы одного из них с нею заговорить, пригласить ее на танец. Они отчаянно отплясывали с менее красивыми партнершами, вели себя шумно, как застенчившиеся мальчуганы, и вытворяли бог знает что. Стоило Элис отвернуться, они украдкой на нее косились, но когда она сама глядела на них, старательно делали вид, что ее не замечают. Элис к этому давно привыкла и даже не догадывалась, что красива. Она покорялась своей участи «подпирать стену».

Когда Кэтрин и Элис вошли в зал, где были танцы, Джимми Мэнро уже находился там. Он стоял у стенки, элегантно небрежный, скучающий, высокомерный. Ширина его штанин достигала чуть ли не полметра, носки лакированных туфель были квадратны, как кирпичи. Черный галстук-бабочка украшал его белую шелковую рубашку, волосы, смазанные бриллиантом, блестели. Джимми был горожанин в отличие от остальных. Он устремился к своей жертве неспешно и неотвратно, как ястреб. Не успела Элис снять пальто, как он уж был рядом. Усталым тоном, усвоенным в старших классах школы, он предложил:

– Станцуем, детка?

– Чего? – спросила Элис.

– Я сказал, пойдете танцевать?

– Танцевать, вы говорите?

Она обратила на него бездонные, что-то обещающие глаза, и смешной, глупый вопрос прозвучал насмешливо и призывно, в нем, казалось, таился намек, от которого разволновался даже циник Джимми.

«Танцевать? И только-то?» – казалось, спросила она. Несмотря на всю свою искушенность, Джимми ощутил, что у него перехватило дух, что он не знает, куда девать руки и ноги, и кровь бросилась ему в голову.

Элис повернулась к матери, которая уже вела с миссис Бремен оживленный разговор на кулинарные темы.

– Мама, можно я потанцую? – спросила Элис.

Кэтрин улыбнулась ей.

– Ступай, ступай, – ответила она. – Повеселишься хоть раз в жизни.

Как сразу обнаружил Джимми, Элис танцевала скверно. Когда музыка умолкла, он сказал: «Тут очень жарко, а? Давай пройдемся». И увел ее под ивы во дворе.

Спустя некоторое время сидевшая на крылечке соседка вошла в зал, подошла к Кэтрин и что-то ей шепнула. Кэтрин вздрогнула и ринулась во двор.

– Элис! – раздался ее отчаянный крик. – Элис, сюда, сию же минуту!

Когда двое беглецов возникли из темноты, Кэтрин яростно набросилась на Джимми.

– Не смей к ней подходить, ты слышишь, что я говорю? Не смей к ней подходить, а то плохо будет, слышишь!

Джимми порядком перетрусил. Он чувствовал себя, как маленький мальчик, которому велели немедленно отправляться домой. Противно, конечно, но приходится подчиниться.

Кэтрин схватила дочь за руку и потащила в дом.

– Тебе папа говорил, чтоб ты не связывалась с Джимми Мэнро? Говорил он тебе или нет? – яростно накинулась она на Элис. Кэтрин была вне себя от ужаса.

– А это он? – спросила Элис шепотом.

– Кто же, как не он? И что ты там делала с ним?

– Целовалась, – испуганно пролепетала Элис.

Кэтрин словно обухом ударили по голове.

– О, господи, – сказала она. – О, господи, что ж мне делать?

– А это плохо, мама?

Кэтрин нахмурилась.

– Плохо? Нет, нет, это совсем не плохо! – вскрикнула она. – Это... даже хорошо. Только вот что: пусть папа об этом не знает. Даже если спросит, не говори ему! Он... да он с ума сойдет. А сейчас вот что: будешь сидеть весь вечер рядом со мной, и никаких там Джимми Мэнро, ясно? Может, папа все-таки об этом не узнает. Господи, ну сделай так, чтоб не узнал!

В понедельник Акула Уикс сошел с вечернего поезда в Салинасе и сел в автобус, направлявшийся к перекрестку, от которого ответвлялась дорога на Пастбища. А уж оттуда он пешком потащил свой саквояж – до дому оставалось четыре мили.

Ночь была ясная, теплая, все небо в звездах. Горы таинственным приглушенным шумом приветствовали его возвращение домой и настроили на мечтательный лад. Он шел задумавшись.

Похороны понравились Акуле. Красивые цветы, и к тому же так много. Женщины плакали, мужчины передвигались по дому торжественно, бесшумно, и все это пробудило в его душе тихую и, в общем, приятную печаль... Даже отпевание, торжественный ритуал, которого никто не понимает и в который никто не вслушивается, таинственным образом влил в его душу некие целительные токи, благотворные для тела и ума. Целый час он пробыл в церкви, отрешившись от мирской суеты; аромат ладана и цветов навевал на него тихую благодать, и перед взором его приоткрылась вечность. Все это возникло в нем благодаря величественной процедуре отпевания.

Тетушку Нелли он почти не знал, но ее похороны доставили ему огромное удовольствие. А родственники, вероятно, уже проводали о его богатстве и обходились с ним почтительно. И сейчас по дороге домой он вспоминал все это, и время пролетело незаметно, путь сократился – Акула неожиданно быстро дошел до Райских Пастбищ и до лавки.

Владелец лавки Т. Б. Аллен всегда был в курсе всех новостей; кроме того, старик любил и умел раздувать в слушателях интерес, притворяясь, будто бы он до смерти не хочет ничего рассказывать. Самая пустая сплетня превращалась в волнующее известие, когда за дело брался старик Т. Б.

Когда Акула вошел в лавку, там был только хозяин. Т. Б. уселся на откидной стул у стены, и глаза его зажглись любопытством.

– Люди говорят, ты уезжал, – произнес он тоном заговорщика.

– Я был в Окленде, – сказал Акула. – Надо было на похоронах побывать. А заодно я там надумал проверить одно дельце.

Т. Б. выждал ровно столько, сколько полагал необходимым и спросил:

– Ну и как, серьезные дела?

– Да я бы не сказал. Заглянул в одно предприятие.

– И акции купил? – почтительно поинтересовался Аллен.

– Купил кое-что.

Оба опустили головы и сосредоточенно разглядывали пол.

– А без меня тут что-нибудь случилось?

И тотчас же на лице старика появилось выражение досады. Видно было, ему ужасно не хочется рассказывать о том, что произошло; видно было, сплетничать ему просто противно.

- В школе танцы были, – промямлил он наконец.
- Знаю, слышал.

Аллен заерзал на своем откидном стуле. Видно было: в нем шла внутренняя борьба. Выложить все, как есть, Акуле для его же пользы или промолчать? Акула следил за ним с интересом. Он такие вещи уже много раз видал.

- Ну, выкладывай, – сказал он наконец.
- Вот, говорят, свадьба скоро будет.
- Да? А где ж это?
- Да уж прямо скажем, недалеко искать.
- Где? – опять спросил Акула.

- Т. Б. сделал попытку побороть себя, но не смог.
- В твоём доме, – сказал он со вздохом.

Акула хмыкнул.

- В моем?
- Элис, говорят, выходит замуж.

Акула окаменел и в ужасе уставился на старика. Потом он шагнул к нему, надвинулся на него с угрозой.

- Это как понять? Как понять это, выкладывай, слышишь ты!
- Т. Б. уразумел, что назад пути нет. Он съежился.
- Ну, хватит вам, мистер Уикс! Хватит, что вы в самом деле!
- Говори, что это значит! Говори все.

Акула схватил Т. Б. за плечи и встряхнул, дрожа от злости.

- Да ничего особенного, на танцах это случилось... просто на танцах.
- Элис ходила на танцы?
- Ага.
- И что она там натворила?
- Не знаю. То есть ничего.

Акула рывком стащил его со стула; у Аллена подгибались колени.

- Говори! – взревел он.

Старик жалобно захныкал:

- Да ей-богу, ничего, с Джимми Мэнро она во двор выходила.

Уикс схватил его за плечи и принялся трясти насмерть перепуганного лавочника, как мешок с мукой.

- А что они там делали? Выкладывай!
- Не знаю я, мистер Уикс.
- Говори!
- Ну... мисс Берк... мисс Берк сказала... они целовались.

Тут Акула выронил его и сел. Он похолодел от ужаса – выходит, все пропало. Он сверлил старика злобным взглядом, не в силах переварить эту весть – его дочь утратила невинность. Ему в голову не приходило, что дело обошлось только поцелуями. Потом он отвернулся, его взгляд растерянно блуждал по лавке. Вдруг Аллен увидел, что этот взгляд остановился на выставленных в витрине ружьях.

- Эй, Акула, ты не вздумай! – крикнул он. – Эти ружья не твои.

О ружьях Акула не думал, он даже их не замечал, но сейчас, когда ему о них напомнили, он бросился к витрине, открыл ее и вытащил тяжелую винтовку. Оторвал ярлык с ценой и сунул коробку патронов в карман. Потом, решительно шагая, вышел и даже не посмотрел в сторону лавочника. Звук его шагов еще не замер в темноте, а старик Т. Б. уже звонил по телефону.

Акула быстро шел к ферме Мэнро, и в голове его царил полный сумбур. Лишь одно он знал наверняка – понял, прошагав совсем немного: он ни в коем случае не собирается убивать

Джимми Мэнро. Мысль застрелить Джимми подсказал ему лавочник, сам он и в голове такого не держал. Ну, а теперь-то что делать? Он попытался представить себе, как будет вести себя в доме Мэнро. Может, все-таки придется его застрелить. Может, все сложится так, что ему волей-неволей надо будет совершить убийство, дабы защитить свою честь.

Акула услышал, что к нему приближается машина, и спрятался в кустах, а автомобиль с ревом промчался мимо. Идти ему уже совсем недолго, а между тем чувства ненависти к Джимми Мэнро нет как нет. И ни к кому нет этого чувства, есть лишь ноющее ощущение пустоты, возникшее, когда он услышал, что его дочь утратила невинность. И сейчас ему упорно чудилось, что Элис уже нет в живых, – она для него умерла.

Он увидел огоньки, это светились окна в доме Мэнро. И тут Акула понял: он не может застрелить Джимми. Пусть хоть вся деревня смеется над ним, он не в силах выстрелить в этого парня. Он вообще не может никого убить. Тогда он решил просто заглянуть в калитку, а после этого пойти домой. Пусть их смеются, если угодно, он не способен ни в кого стрелять.

И тут вдруг из-за куста вышел человек и крикнул:

– А ну, Уикс, бросай винтовку и руки вверх!

Акула положил винтовку на землю, покорно и устало. Он узнал по голосу помощника шерифа.

– Приветствую, Джек, – сказал он.

Потом его окружили. Позади тех людей, что его схватили, маячило перепуганное лицо Джимми. И Берт Мэнро тоже порядком струхнул.

– Что это ты надумал стрелять в моего Джимми? – испуганно спрашивал он. – Он тебе ничего плохого не сделал. Старик Т. Б. мне позвонил и все сказал. А теперь уж не беспокойся, я тебя упрячу в такое место, где ты будешь смирно сидеть.

– У нас нет права засадить его в тюрьму, – вмешался помощник шерифа. – Сделать-то он ничего не успел. Мы только можем взять с него штраф.

– Правда? Ну что ж, ладно, штраф так штраф, – у Берта срывался голос.

– А вы потребуйте с него большой штраф, – посоветовал помощник шерифа. – Акула ведь у нас богач. Поехали с нами. Мы отвезем его в Салинас, и вы изложите там свою жалобу.

На следующее утро Акула Уикс вошел в свой дом, едва волоча ноги, и сразу же улегся в кровать. Глаза у него были тусклые, усталые, но Акула их не закрывал. Руки висели, как плети. Он лег и в неподвижности пролежал несколько часов.

Кэтрин, работавшая на огороде, видела, как он вернулся. Ей было и приятно, и в то же время тяжело, что он так идет – с поникшими плечами, беспомощно понутив голову, но когда наступила пора варить обед, она вошла в дом на цыпочках и предупредила Элис, чтоб не шумела.

В три часа Кэтрин заглянула в спальню.

– У Элис все в порядке, – сообщила она. – Ты бы у меня сперва спросил, а потом за винтовку хватался.

Акула не сказал ни слова и не пошелохнулся.

– Ты не веришь мне, – ее напугало, что он лежит, как неживой. – Если не веришь, можно доктора позвать. Давай я сразу же за ним пошлю, если не веришь.

Акула даже головы не повернул.

– Я тебе верю, – ответил он вяло.

Кэтрин, стоя на пороге, глядела на мужа, и незнакомое ей прежде чувство охватило ее. Она и не подозревала, что может так себя вести. Что-то теплое шевельнулось в сердце. Она села на край кровати и уверенным движением положила себе на колени голову мужа. Она сделала это инстинктивно, а потом повинувшись все тому же сильному, решительному чувству, стала гладить его по голове. Он, казалось, совсем обессилел.

Она гладила его по голове, а он глядел и глядел в потолок, а потом все-таки заговорил, монотонно, дребезжащим голосом.

– Денег-то у меня нет, – сказал он. – Притащили в суд и говорят, мол, плати десять тысяч штрафа. Пришлось все рассказать судье. И все это слышали, все. Теперь, стало быть, все знают, что у меня нет денег. Нет и никогда не было. Поняла? Эта моя счетная книга – чистая фикция. Все, что я туда записывал, – ложь. Все до последней строчки. Я все сам придумал. А теперь это знает каждый, мне ведь пришлось сказать правду судье.

Кэтрин ласково гладила его по голове, и незнакомое, теплое чувство, что шевельнулось вдруг в ее душе, росло. Ей казалось, что она сильнее всех на свете. Вот, весь мир лежит сейчас у нее на коленях и ждет от нее утешения. Сострадание сделало ее могущественной. Она может, думалось ей, утолить все скорби мира.

– Я никого не собирался трогать, – продолжал Акула. – В этого Джимми я и не думал стрелять. Я просто не успел еще назад повернуть, а они меня уже сцапали. Решили, я хочу его убить. А сейчас все знают. У меня совсем нет денег. – Он валялся на кровати, как тряпка, и все глядел, глядел в потолок.

И тут внезапно жаркое сочувствие к мужу превратилось в силу,хватило всю ее. В одно мгновение Кэтрин поняла, что от нее зависит очень многое. Она ликовала от счастья, и в этот миг была прекрасна.

– Тебе просто не везло, – сказала она тихо. – Связался с этой старой фермой, а разве здесь чего добьешься?

Вот тебе и негде было счастья попытать. Ну, чего это ты вдруг решил, что разбогатеть не сможешь. *А я считаю – сможешь. Даже убеждена.*

Кэтрин говорила уверенно. Она знала, что сейчас сумеет сделать все, что жизнь ее прошла в ожидании этого мига. В этот миг она была богиней, вестницей судьбы. Поэтому она не удивилась, когда увидела, что муж пришел в себя. Она все гладила его по голове.

– Мы уедем, – внушала она. – Ферму продадим и уедем. И тогда уж тебе повезет. Вот увидишь. Я знаю, на что ты способен. Я в тебя верю.

Живая искорка зажглась в глазах Акулы. Он привстал. Он смотрел на Кэтрин и видел, что она прекрасна, а пока он глядел на нее, жар ее души передался ему. Он уткнулся головой в ее колени.

Кэтрин опустила голову и посмотрела на него. Силы начали оставлять ее, и она испугалась. Вдруг Акула приподнялся и сел на кровати. Он успел уже забыть о Кэтрин, но в глазах его светилась та энергия, которую она передала ему.

– Ждать недолго! – крикнул он. – Продам ферму и уеду. И тогда удача от меня не уйдет. Я своего добьюсь. Они еще увидят.

IV

Тайна происхождения Туляречито покрыта мраком. А вот о том, как он появился в здешних местах, ходит легенда. Жители Райских Пастбищ в нее не очень-то верят, так же, впрочем, как они не верят в привидения.

У Франклина Гомеса был работник, мексиканский индеец по имени Панчо, больше у него не было ничего. Раз в три месяца Панчо, захватив свои сбережения, отправлялся в Монтерей, исповедовался в грехах, исполнял епитимью, получал отпущение грехов и напивался – все это именно в такой последовательности. К тому времени, когда салуны закрывались, Панчо добирался до своей повозки и засыпал, если, конечно, ему удавалось не угодить в тюрьму. Лошадь сама знала дорогу и к утру привозила его домой – так что Панчо успевал позавтракать и отправиться на работу. Панчо всегда прибывал на ферму спящим; вот почему его там встретили однажды утром с особым интересом: дело в том, что на сей раз он влетел в загон галопом, причем не только бодрствовал, но и что-то орал во всю глотку.

Франклин Гомес оделся и вышел узнать, что случилось. Из бессвязного, путаного рассказа индейца он выяснил примерно вот что: Панчо ехал домой, как всегда, конечно, абсолютно трезвый. Неподалеку от Черного Места, в кустах полыни возле дороги он услышал плач ребенка. Он остановил повозку и пошел взглянуть – малых детей в таких местах обычно не бывает. В зарослях полыни он и в самом деле нашел грудного младенца. Панчо показалось, что ему месяца три. Он его поднял, зажег спичку, чтоб рассмотреть находку, и вдруг – о ужас! – малютка ехидно ему подмигнул и сказал басом:

– Посмотри, какие у меня острые зубки!

Панчо не стал смотреть. Он отшвырнул свою зловещую находку, прыгнул в повозку и галопом погнал к дому, нахлестывая старую кобылу и подвывая по-собачьи.

Франклин Гомес задумчиво чесал в затылке. Насколько он знал, Панчо мужик спокойный, дурь на него не нападает даже под мухой. Подъезжая к дому, Панчо не спал – одно это уже свидетельствовало о том, что он действительно видел нечто странное в полыни. В конце концов Франклин Гомес велел оседлать коня, разыскал ребенка и привез его домой. В течение трех лет дитя больше ничего не говорило; и зубов у него, как выяснилось, не было. Тем не менее Панчо был твердо убежден, что все случилось именно так, как он рассказывал.

У младенца были коротенькие, толстые ручки и длинные, растопыренные, как у лягушки, ноги. Большая голова без всяких намеков на шею сидела на слишком широких плечах. Из-за плоского лица и необычного телосложения младенца, разумеется, прозвали Туляречито – Лягушонок. Впрочем, Франклин Гомес часто называл его Койот. «Потому, – объяснял он, – что есть в лице этого малыша какая-то древняя мудрость, что-то от койота».

– Ну, а как же руки, ноги и плечи, сеньор? – возражал в таких случаях Панчо. И за ребенком закрепилось прозвище Туляречито.

Кто оставил на дороге это маленькое, уродливое существо, осталось тайной. Франклин Гомес считал его членом семьи, Панчо ходил за ним, как нянька, и все же так и не смог освободиться до конца от страха перед мальчиком. Ни годы, ни суровые епитимьи не могли вытравить то впечатление, которое произвела на него их первая встреча.

Мальчик рос быстро, но после пяти лет его умственное развитие прекратилось. В шесть лет Туляречито мог выполнять работу взрослого человека. Его руки с длинными пальцами были сильнее, чем у взрослого мужчины, и намного проворней. Удивительно умелые и ловкие, они делали его на ранчо незаменимым. Пальцы мальчика легко расправлялись с самыми тугими узлами. У Туляречито были руки настоящего художника. Его чувствительные пальцы ни разу не повредили ни одного молодого ростка, ни одной привитой веточки. В то же время эти безжалостные пальцы без всякого усилия могли свернуть голову индюку. У Туляречито был

еще один удивительный дар: ногтем большого пальца он вырезал из песчаника фигурки животных. Весь дом Франклина Гомеса был заставлен фигурками койотов, пум, цыплят и белок. С потолка в столовой на проволочках свисало изображение парящего ястреба. Панчо, который никогда не считал мальчика человеком, приписывал его способность ваять дьявольским козням.

Хотя жители Райских Пастбищ и не верили в потустороннее происхождение Туляречито, в его присутствии они чувствовали себя неловко. Что-то неприятное, пещерное было в его глазах. В лице мальчика было нечто от троглодита. Его необычные способности и огромная физическая сила пугали местных фермеров. Дети его избегали.

Вывести Туляречито из себя можно было только одним способом. Когда кто-нибудь – мужчина, женщина или ребенок – неосторожным прикосновением разрушал плоды его трудов, он приходил в ярость. Глаза его вспыхивали, и он бросался на обидчика, готовый его убить. В этих случаях Франклин Гомес трижды прибегал к крайней мере – связывал Туляречито по рукам и ногам и оставлял в таком виде до тех пор, пока к нему не вернется обычное добродушие.

Когда Туляречито исполнилось шесть лет, он не пошел в школу. Прошло еще лет пять. За это время инспектор по делам несовершеннолетних и директор школы несколько раз весьма решительно рекомендовали Гомесу заставить мальчика учиться. Тот соглашался, он даже настойчиво выталкивал его из дома в школу, но Туляречито так ни разу туда не добрался. Он боялся, что школа окажется местом отнюдь не привлекательным, и просто исчезал дня на два. Только когда мальчику исполнилось одиннадцать, – у него уже были плечи атлета и руки настоящего разбойника – согласованными усилиями ревнители закона усадили его за парту.

Как и думал Франклин Гомес, Туляречито не стал учиться. Зато у него сразу же проявился новый талант – он начал рисовать так же хорошо, как вырезал фигурки из песчаника. Когда мисс Мартин, учительница, заметила это, она предложила ему нарисовать парад зверей. Туляречито долго трудился после уроков, и на следующее утро на доске появилась удивительная процессия. Там были все животные, которых Туляречито когда-либо видел, все птицы, которые водились у них в горах. Вслед за коровой ползла гремучая змея, койот с гордо поднятым хвостом шел следом за свиньей. Были там и кошки, и козы, и суслики, и черепахи. Каждый зверь был нарисован абсолютно точно.

Мисс Мартин поразили способности Туляречито. Она похвалила его перед всем классом и прочитала маленькую лекцию о каждом из нарисованных им животных. В своем воображении она уже купалась в лучах славы, которую ей принесет открытие нового, удивительного таланта.

– Я еще много чего могу, – сообщил Туляречито.

Мисс Мартин похлопала его по широкому плечу.

– Вот и отлично, – сказала она. – Ты будешь работать каждый день. Этот дар ниспослан тебе Богом. – Тут она вдруг поняла, как важно то, что она произносит. Наклонившись к Туляречито и испытующе глядя в его хмурые глаза, она медленно повторила: – Этот дар ниспослан тебе Богом. – Мисс Мартин посмотрела на часы и решительно добавила: – Четвертый класс – арифметика. У доски.

Четвероклассники выскочили из-за парт, схватили ластик и начали стирать рисунки, чтоб освободить доску. Увидев, что они уничтожают плоды его трудов, Туляречито кинулся на них с кулаками. Это был страшный день. Мисс Мартин с помощью всей школы не смогла с ним справиться. В ярости Туляречито обретал силу взрослого мужчины, и к тому же – сумасшедшего мужчины. В ходе битвы класс подвергся страшным разрушениям: парты лежали вверх тормашками, чернила текли рекой, по всей комнате валялись цветы. Платье мисс Мартин изодрали в клочья, старшие мальчики, на чьи плечи в основном легло бремя сражения, были жестоко избиты. Туляречито дрался руками, ногами и головой. И при этом кусался. Никаких

правил чести он не признавал и в конце концов одержал победу. Все ученики с мисс Мартин в арьергарде бежали с поля боя, оставив его во власти разъяренного Туляречито. Когда в школе не осталось никого, кроме него, он запер дверь, стер кровь с лица и принялся восстанавливать рисунки.

Вечером мисс Мартин зашла к Франклину Гомесу и потребовала, чтобы он выпорол мальчишку.

Гомес пожал плечами.

– Вы в самом деле хотите, чтоб я его высек, мисс Мартин?

Лицо учительницы было все в царапинах, у рта легла скорбная складка.

– Да, хочу, – сказала она. – Если бы вы видели, что он сегодня натворил, вы бы меня не осуждали. Я уверена: его следует проучить.

Гомес снова пожал плечами и позвал Туляречито. Он снял со стены тяжеленный арапник. Во время экзекуции мальчик ласково улыбался мисс Мартин, которая невольно вздрагивала при каждом ударе. Когда наказание было окончено, Туляречито ощупал себя и, все так же улыбаясь, отправился спать.

Мисс Мартин с ужасом за ним наблюдала.

– Господи, да это просто животное, – воскликнула она. – Похоже было, будто бьют собаку.

На лице Франклина Гомеса мелькнула тень презрения.

– Собака выла бы от страха, – сказал он. – Ну вот, вы получили, что хотели, мисс Мартин. Вы говорите, он – животное, но, ей-богу, это доброе животное. Вы велели ему нарисовать картинки, потом сами же их стерли. Туляречито это не понравилось... – Мисс Мартин попыталась его перебить, но он быстро продолжал: – Не надо было Лягушонку ходить в школу. Он умеет работать; у него золотые руки, но в школе он не выучится ничему. Он не сумасшедший, просто Бог не дал себе труда доделать его до конца. Я уже говорил это директору, но он сказал, что по закону Туляречито должен ходить в школу, пока ему не исполнится восемнадцать лет. Значит, еще семь осталось. Семь лет мой Лягушонок будет торчать в первом классе, потому что так велит закон. Ну, что ж, ничего не поделаешь.

– Его надо изолировать! – прорвалась наконец мисс Мартин. – Он опасен. Если б вы его сегодня видели!

– Нет, мисс Мартин, пусть гуляет на свободе. Он не опасен. Вы знаете, как он работает в саду? А как он доит корову? Он добрый мальчик. Он может усмирить норовистую лошадь, не сядя в седло; натаскать пса, даже пальцем его не тронув, но закон велит ему еще семь лет сидеть в первом классе и повторять за вами: «К, О, Т – кот». Если бы он был опасен, он бы запросто убил меня, когда я только что хлестал его арапником.

Мисс Мартин поняла, что существуют вещи, которые выше ее разума и, поняв это, испытала к Франклину Гомесу острую неприязнь. Она чувствовала, что поступила подло, а он был великодушен. Придя на следующее утро в школу, она застала там Туляречито. Все стены класса сплошь были покрыты изображениями животных.

– Видите? – сказал он, и глаза его засияли. – Теперь их куда больше. А еще у меня есть книга со всякими другими животными, я бы их всех нарисовал, да места не хватило.

Мисс Мартин не стала стирать картинки, классную работу выполняли теперь на бумаге, но в конце полугодия она уволилась, сославшись на здоровье.

Мисс Морган, новая учительница, была очень молоденькая и очень хорошенькая – с точки зрения пожилых жителей деревни, слишком молоденькая и опасно хорошенькая. В старших классах занимались парни лет семнадцати. Вполне естественно, что возникли серьезные сомнения, сумеет ли такая молодая и в то же время такая хорошенькая учительница поддерживать в школе хоть какой-то порядок.

Мисс Морган была просто влюблена в свою профессию. Все были поражены, ибо давно привыкли к старым девам, чьи лица выражали только беспредельную усталость. А мисс Мор-

ган буквально наслаждалась процессом преподавания, нудную процедуру школьной учебы она превратила в настоящий праздник.

Туляречито произвел на нее сильное впечатление. Оказывается, она уже все о нем знала – читала в книгах, слушала на лекциях. Услышав о сражении, разыгравшемся в школе, освободила ему место в верхней части доски, чтобы он мог рисовать, никому не мешая. Когда он использовал все свободное место, она на свои деньги купила ему пачку бумаги и мягкий карандаш. С тех пор его уже не беспокоили по поводу правописания. Он каждый день прилежно рисовал, а к концу уроков преподносил мисс Морган чудесные картинки, изображавшие все тех же птиц и зверей. Она развесила его рисунки над доской.

Ученики с восторгом приняли ее реформы. В школе стало интересно. Даже те, кто снискал завидную репутацию «трудных детей», теперь гораздо меньше увлекались проектом поджога школы.

А потом мисс Морган ввела правило, за которое ученики стали просто ее обожать. Каждый день около получаса она уделяла чтению. Она читала им «Айвенго», «Талисман»; рыбацьи рассказы Зейна Грина, охотничьи – Джеймса Оливера Кервуда; «Морского волка» и «Зов предков», не какие-то там детские сказки про лису, гусей и рыжую курицу, а настоящие взрослые книги.

Читала она превосходно. Ей удалось покорить даже самых отпетых хулиганов. Никому теперь и в голову не приходило играть на уроках в хоккей. Все слушали, затаив дыхание.

Один Туляречито продолжал рисовать, лишь изредка отрываясь от своего занятия, чтобы взглянуть на учительницу и тоже послушать. Иногда он пытался понять, что интересного в этих рассказах, повествующих о чужих людях и далеких событиях. Он считал, что все это было на самом деле – иначе зачем об этом писать? Рассказы напоминали ему уроки, и он не слушал их.

Со временем мисс Морган поняла, что несколько переборщила с чтением для старших. Сама она любила сказки. Ей нравилось думать, что люди, уверовавшие в чудеса, могут увидеть их воочию. В кругу своих близких друзей, эрудитов и интеллектуалов, она часто говорила, что духовный голод, поразивший Америку, возник отчасти и оттого, что люди разучились верить в чудеса. И вот очередные полчаса она стала посвящать чтению сказок.

Тут с Туляречито произошла перемена. Сперва мисс Морган читала об эльфах и домовых, о проделках фей и волшебников. Туляречито заинтересовался, он даже отложил рисунок, и всегда занятый работой карандаш празднично лежал у него на ладони. Потом мисс Морган начала читать о гномах, об их нравах и обычаях. Туляречито выронил карандаш и вытянул шею, чтобы не пропустить ни слова.

После работы мисс Морган шла пешком до фермы, где снимала комнату. Ей нравилось идти по безлюдной дороге, сбивая головки чертополоха прутом. Она радовалась, когда ей удавалось вспугнуть камнем перепела и тот с криком взлетал вверх. Ей хотелось завести собаку – любознательного, резвого пса, он делил бы с нею все ее захватывающие приключения. Он понимал бы тайный, колдовской смысл вырытых в земле нор, магию звериных следов, странных и печальных птичьих криков и таинственных, бодрящих запахов земли.

Как-то днем мисс Морган забралась на меловой холм, чтобы вырезать свои инициалы на его белом боку. Карабкаясь по склону, она до крови поранила о колючку палец. Вместо инициалов она выцарапала: «Здесь я оставила частицу себя» – и приложила свой кровоточащий палец к пористой меловой поверхности скалы.

Вечером она писала одному из своих друзей: «Когда у человека есть все необходимое, главным для него становится стремление оставить память о себе, какое-нибудь доказательство того, что он действительно существовал на свете. Эти доказательства мы запечатлеваем либо на камне или дереве, либо в судьбах других людей. Это стремление глубоко сидит в каждом из нас – от мальчишки, который пишет непристойности на стенах общественной уборной, до Будды, оставившего свой образ в сознании целых народов. Жизнь так нереальна. По-моему, мы

сомневаемся всерьез, существуем ли мы на самом деле, и всеми способами пытаемся доказать себе и другим – да, существуем».

Копию письма она сохранила.

В тот день, когда она читала школьникам про гномов, мисс Морган, как всегда, шла в одиночестве домой. Вдруг трава у обочины зашевелилась, и из нее возникла голова Туляречито.

– Ой! Как ты меня испугал! – воскликнула мисс Морган. – Разве так можно?

Туляречито встал. Он робко улыбался и от смущения похлопывал шляпой по бедру. Вдруг мисс Морган испугалась, ее захлестнула волна страха. На дороге так пустынно, а ей уже не раз приходилось слышать о выходах сумасшедших. Собравшись с духом, она дрожащим голосом произнесла:

– Что... что тебе надо?

Туляречито улыбнулся еще шире и еще сильнее стал хлопать себя по бедру.

– Ты что, просто так здесь лежал, или тебе что-нибудь надо?

Мальчик пытался что-то сказать, но не сумел и снова беззащитно улыбнулся.

– Ну, если тебе ничего не нужно, я пойду.

Она и вправду уже приготовилась к бегству.

Туляречито снова попытался заговорить.

– Про этих... ну, про человечков...

– Про каких еще человечков? – резко спросила она.

– Ну, которые в книжке...

Мисс Морган с облегчением рассмеялась, ощущая, что ее волосы уже не стоят дыбом.

– Ах, ты о... об этих, как их?... гномах?

Туляречито кивнул.

– А что бы ты хотел о них узнать?

– Я их никогда не видел, – сказал Туляречито. Говорил он монотонно, без всякого выражения в голосе.

– Ну, знаешь, я думаю, их мало кто видел.

– Но я о них знал.

Мисс Морган с любопытством на него посмотрела.

– Правда? Кто же тебе о них рассказал?

– Никто.

– Ты сам их никогда не видел, и никто тебе о них не рассказывал? Откуда же ты о них знаешь?

– Знаю, и все. Может, я их слышал. В книжке про них написано, это точно. Я узнал их.

«Почему я должна мешать этому несчастному мальчугану верить в гномов? Не станет ли его жизнь счастливей и богаче, если он будет в них верить? Что в этом, в сущности, плохого?» – подумала мисс Морган.

– А ты когда-нибудь пробовал их найти?

– Нет, никогда. Я просто знал, что они есть. А теперь я буду их искать.

Тут мисс Морган решила, что все складывается просто великолепно. Перед нею чистый лист бумаги, скала, на которой можно изваять все, что угодно! Судьба предоставила ей возможность создать чудесную историю, которая будет гораздо правдивее тех, что рассказаны в книгах.

– Как же ты будешь их искать? – спросила она.

– Я буду рыть норы, – степенно сообщил Туляречито.

– Но ведь гномы выходят только по ночам, Туляречито. Тебе придется караулить их ночью. И как только ты увидишь хоть одного, ты придешь и расскажешь мне, ладно?

– Хорошо, – пообещал он.

Она ушла, чувствуя на себе его взгляд. Всю дорогу она себе представляла, как Туляречито темной ночью ищет гномов. И картина эта льстила ее самолюбию. Может быть, он их найдет и в самом деле? Может быть, он будет жить среди них, с ними разговаривать? Вот ведь стоило ей только намекнуть этому мальчику на возможность чуда, и она сразу превратила его жизнь в чудесную сказку, такую далекую от бессмысленного существования других людей. Теперь она даже завидовала ему.

Вечером Туляречито надел пиджак и взял лопату. Старый Панчо попался ему навстречу, когда он выходил из сарая.

– Куда собрался, Лягушонок? – спросил он.

Туляречито беспокойно переминался с ноги на ногу. – Иду, и все. Впервой мне, что ли, на ночь глядя?.. – А лопату зачем взял? Может, золото ищешь? – Лицо мальчика стало серьезным.

– Я иду копать лазы к маленьким человечкам, которые живут под землей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.